

Перепуганный Дениц подпрыгнул и выпалил:

- Извините, я ничего не видел...

И не успел договорить, как уж потянул ручку двери на себя.

Бах!

Дверь захлопнулась, и её хлопок раздался эхом по всему коридору.

Тут Дениц наконец понял.

- Что я только что делал... Что делает Андерсон?

Бессознательно снял чёрную боксёрскую перчатку и горестно, нахмурившись, призадумался. Наконец решил вернуться к себе в номер, собрать вещи и съехать.

Что же касалось действий Андерсона - Дениц чувствовал, что здесь что-то не то. Втягиваться в это, он был не намерен, а то недолго и в ловушку попасть.

- Капитан говорила, что мне нужно воспитывать в себе страх перед неведомым, уважение к нему. Так что следовало бы мне от этого всего отдалиться... - И едва Дениц обернулся, как вдруг услышал звук отпираемой и открывающейся двери.

Вышел Андерсон, у него были расстёгнуты нижние пуговицы рубашки, а в руке был тусклый воронёно-чёрный нож. Дениц взглянул на Андерсона с каким-то неопределённым выражением на лице.

- Ты не собираешься меня останавливать?

Дениц чутко уловил шанс над ним подшутить и усмехнулся ехидно:

- Здесь твоя воля. Если ты не оставил завещания, я буду богат!

Андерсон потёр щёки.

- Тебе не любопытно, что со мной было?

Дениц взглянул на него с подозрением.

– Чувствую, будто ты что-то задумал.

Андерсон разразился смехом.

– Ну, какое-то время назад меня схватили и окунули в странную кровь, смешанную со всякими разными составляющими. Лежал я в ней достаточно долго, в меня всё это постепенно въедалось, пока в моём теле не образовалась какая-то странная куколка. Это затем, чтобы её воздействие заставило меня испытывать некое притяжение Потусторонних Высоких Последовательностей пути Охотника.

Говоря, он показал на живот.

Дениц опешил.

– Я никогда о таком и не слышал, если честно. Будь ты другого пола, я бы, наверное, подумал, что ты беременный...

На мгновение замолчал, потом спросил:

– На того парня на площади Возрождения напал младенец... нет, точнее – "куколка", что у тебя в животе?

Андерсон кивнул, Дениц жестикулировал.

– Ты пытался вскрыть себе живот, чтобы извлечь "куколку"?

Андерсон отвечал честно:

– Да, я беспокоюсь о том, как она на меня подействует, не будет ли и дальше привлекать полубогов. Мне нужно поспешить, учесть, что важна каждая секунда в удалении этой бомбы замедленного действия.

Дениц задумался, потом недоуменно спросил:

– Тогда отчего же не попытаешься? Ты забыл оставить завещание, и хочешь, чтобы я был свидетелем?

У Андерсона дёрнулись мышцы лица, он хмыкнул-усмехнулся.

- Неплохо. Своё зелье Подстрекателя ты, должно быть, уже почти усвоил.

И после этих слов Андерсон вздохнул.

- Какое-то время тщательно анализируя всё это, я уверился, что никак её напрямую не извлечь. Иначе меня бы не погружали в кровь, чтобы составляющие в меня впитались. Мне бы просто вспороли брюхо и вложили туда эту куколку, а потом зашили бы.

Не дожидаясь ответа Дениц а, Андерсон проговорил задумчиво:

- Ты не знаешь ли способа связаться с Германом Воробьем? Он так много всего прошёл и так много знает, поэтому я бы хотел с ним посоветоваться насчёт решения этой проблемы.

В последние месяцы Дениц ужасно боялся, что люди заведут разговоры о его знакомстве с Германом Воробьем, потому бессознательно возразил:

- Нет! Я его не видел с тех пор, как сошёл с Золотой Мечты!

Андерсон изогнул губы в улыбке и сказал:

- Когда ты писал Герману Воробью, я был рядом с ним, я встречал его посланницу.

Лицо Дениц а тотчас застыло. И спустя несколько секунд он натужно улыбнулся.

- Тогда почему же ты непосредственно его посланника не вызовешь?

Андерсон снова поднял руку, тронул себя за шею у горла, усмехнувшись.

- Я не знаю ритуала вызова его посланницы.

Дениц всё подозревал, что Андерсон что-то замышляет, и не желал подтверждать, что неоднократно связывался с Германом Воробьем. И предложил:

- На самом деле, ты всегда можешь в таком деле попросить помочь нашего капитана. Она обладает немалыми знаниями и хорошо умеет исследовать, отыскивать сведения. Владеет множеством тайных техник, а ещё может попросить помощи в Церкви Бога Знаний и Мудрости. И должна суметь решить что-нибудь насчёт куколки у тебя в животе. Ха-ха, если стесняешься, я могу за тебя с ней поговорить.

Едва Дениц сказал это, то увидел, как лицо Андерсона просияло. Он спешно, скороговоркой ответил:

- Хорошо, давай так сделаем! Я уже уложил свои вещи. Когда отправляемся?

- ... - Дениц на миг оцепенел, чувствуя, будто Андерсон его обвёл вокруг пальца.

Вернулся в номер, допил остатки пива и закинул всю свою всячину в дорожную сумку, оставив только сухой листик с золотистыми узорами.

Это был знак, при помощи которого Дениц прежде устанавливал связь с первым главой Северной провинции, генералом Мэйсанчесом. Следуя указаниям Германа Воробья, Дениц оставил листик в гостинице и указал тем самым ответственному лицу прийти на то место.

В номере, из которого съехал Дениц, вдруг зажглась свеча и разрослось до двух метров в высоту алое пламя.

Откуда-то из самого пламени выступила фигура - человек в шёлковом цилиндре, чёрном строгом костюме и с бело-седыми бакенбардами. Со своими бездонно-голубыми глазами и зрелой манерой держаться этот джентльмен выглядел исключительно. То был никто иной, как Клейн в образе Дуэйна Дантеса.

Взяв лист с золотыми узорами, Клейн вышел из гостиницы, обогнул по кругу опечатанную Площадь Возрождения и пришёл к самому сердцу Коковы - Площади Белого Пера.

Здесь, около уходящего под землю собором Смерти, находилась резиденция Мэйсанчеса.

Дантес, образцовый лознский джентльмен, смотрелся чуждым, инородным элементом, проходя по городу. Здесь иностранцы были в меньшинстве, и в основном группировались у нескольких главных посольств, расположенных вокруг Площади Ликования. А в остальных местах было, как правило, полно здешних, баламских жителей.

Кожа их была смугловата, а волосы чёрные, вьющиеся. Черты лица у баламцев были мягкие, и на взгляд большинства людей с Северного континента местные жители одного пола выглядели одинаково, различаясь разве что ростом и весом.

Эти местные, и мужчины, и женщины, очень любили скручивать сушёные табачные листья в баламские сигареты. По пути Клейн то и дело видел стоящих у дороги жителей, выдыхающих дым.

А ещё они носили на поясах плоды, называемые Далава.

Плоды были размером с два кулака, толстокожие. Прodelав крохотное отверстие и высосав через него мякоть, в кожуру можно было наливать воду, спиртные и прочие напитки.

По наблюдениям Клейна, пили больше всего оранжево-жёлтого Гвадара. Это был напиток кислый и чуть сладковатый, хорошо утоляющий жажду и охлаждающий в жару, а ещё отлично бодрящий, прогоняющий сон.

– Не доводилось мне прежде такого пробовать... – Пробурчал про себя Клейн, нашёл охранника, дежурящего у резиденции генерала, и попытался добиться встречи с неким человеком по имени Хэггис.

Благодаря внешности джентльмена-лоэнца охранник Дантесу не отказал в этой просьбе и не стал усложнять её выполнение. Подозвал человека, велел ему отправляться в резиденцию, и тот привёл мужчину тридцати с чем-то лет.

Черты лица и кожа у него были как у самого обыкновенного уроженца Балама. Но вот чёрные кудри его были выпрямлены и аккуратно зачёсаны назад, он словно бы пытался подражать представителям высшего общества разных стран Северного континента.

На мужчине были белая рубашка и чёрный жилет, и к нему очень строгий, торжественный галстук-бабочка. Увидев Дантеса, вышедший к нему сказал на обычном лоэнском:

– Добрый день, я Хэггис. Приятно познакомиться.

Акцент у него был странноватый, не похожий ни на один из тех, с какими говорят в округах Лоэна.

Клейн прожил в высшем обществе достаточно долгое время, потому удивлён не был, и сказал с улыбкой:

– Добрый день, я Дуэйн Дантес. Никак не ожидал встретить джентльмена, который так хорошо умеет говорить с акцентом лоэнской знати.

Хэггис не сдержал улыбки.

– Многие дети благородных семейств из Лоэна приезжали в Восточный и Западный Балам в поисках удачных возможностей. Мне повезло у них кое-чему поучиться.

– О, я, возможно, с некоторыми из них знаком, – Клейн не торопился заводить деловой разговор, начал перво-наперво, как джентльмен, с Хэггисом светскую беседу.

Хэггис всё улыбался.

– Среди моих друзей – полковник Альфред Холл, второй сын графа.

- Холл... - слегка, добродушно усмехнулся Клейн

- Я однажды встречал графа Холла на благотворительной вечеринке. Он поистине знатный, благородный человек. Как тесен мир.

Хэггис, соглашаясь, кивнул.

- Может, это судьба так устроила. К сожалению, Альфреда перевели в прошлом году в Восточный Балам.

Не распространяясь больше на эту тему, Хэггис сразу же пригласил Дуэйна Дантеса в резиденцию генерала.

Проходя в боковую дверь, Клейн вдруг поднял голову, взглянул наверх, на инкрустацию из цветного стекла.

Стекло в солнечном свете мерцало радугой, словно по зрителю пробежали какие-то неведомые взоры.

<http://tl.rulate.ru/book/15294/2961322>